

Раннее утро в маленьком дворике у подножия горы.

Вэй Цю собирал вещи для Чэн Шинаня: завернул в замасленную бумагу свежеприготовленные яичные лепешки и бамбуковый тубус с соленьями.

— Может, все-таки не пойдешь? Нога ведь только-только заживать начала, — Вэй Цю нахмурился. Последние несколько дней Шинань мастерил во дворе клетки, готовясь отправиться в горы на охоту.

— Ничего страшного. Оставайся дома, на ночь запирай ворота. Я вернусь через день-два.

Понимая, что упряма не отговорить, Вэй Цю лишь вздохнул: — Тогда будь осторожен. Если что... сразу возвращайся.

Он видел, как сильно мужчина старается ради их дома. Сейчас они были бедны как церковные мыши. Пару дней назад Вэй Цю заикнулся о том, чтобы сходить в город и поискать работу, но Шинань отрезал коротким отказом. Делать было нечего — оставалось сидеть дома и помогать хотя бы горячими обедами.

— Возвращайся скорее. В горах по ночам холодно, — Вэй Цю проводил его за ворота.

— Иди в дом, — Шинань похлопал его по плечу и, вскинув походный мешок, зашагал прочь.

Глядя ему в след, Вэй Цю почувствовал странную пустоту в душе. С тех пор как он попал в этот мир, он впервые остался совсем один. Вздохнув, он пошел кормить кур на задний двор, а затем принес ведро воды из ручья, чтобы полить овощи, которые Шинань посадил несколько дней назад.

К тому времени, как он закончил, взошло солнце. Его лучи приятно согревали. Вэй Цю вынес одеяла просушиться на солнце — окна в доме были маленькими, вентиляция плохая, да и защита от сырости оставляла желать лучшего. Стоило пройти дождю или установиться пасмурной погоде, как в комнате начинало пахнуть плесенью, так что постель приходилось проветривать постоянно.

— Вэй-гэр, одеяла сушишь? — издали послышался голос Линь Цао, фулана Мэн Цюаня, который шел с корзиной за спиной.

— Брат Линь, ты чего это забрел? — улыбнулся Вэй Цю.

Линь Цао подошел ближе: — Да вот, принес тебе немного пастушьей сумки (цицай)!

Вэй Цю поспешно принял корзину: — Ну как же так, неудобно даже. Вы с братом Мэном и так нам столько помогаете, мы с Ши-гэ и не знаем, как вас благодарить.

Линь Цао был на пару лет старше Вэй Цю и на полголовы выше. Человек добрый и всегда улыбчивый, он, как и Мэн Цюань, обладал золотым сердцем.

— Да брось ты эти церемонии! всю жизнь в одной деревне бок о бок — у кого не бывает трудностей? Поможем друг другу, так и выкарабкаемся, не скромничай, — рассмеялся Линь Цао. — А Шинань где? Неужто дома нет? — он огляделся по сторонам.

Вэй Цю кивнул: — В горы ушел...

Линь Цао всё понял и не стал спрашивать: — Ну ладно, ты тут не скучай. Если что

понадобится — зови, мы с Мэн Цюанем всегда рядом.

Линь Цао побыл недолго и ушел — дома дел невпроворот. Проводив гостя, Вэй Цю промыл свежую зелень и разложил сушиться, чтобы потом засолить её на зиму.

Закончив, он нацепил корзину и отправился в лес у подножия горы. Далеко заходить побоялся, бродил по окраине. Начало осени: лес устлан опавшей листвой, в кустах то и дело мелькают мелкие зверьки. Вэй Цю закрыл глаза, вдыхая свежий воздух. Легкий ветерок касался лица, а солнечные блики, пробиваясь сквозь листву, ложились на плечи теплыми пятнами. Такого покоя и умиротворения в суетном современном мире было не найти...

Придя в себя, он прошел чуть вглубь и наткнулся на грибы, но побоялся собирать — многие были ему незнакомы. Решил, что сходит сюда как-нибудь вместе с Шинанем. Чуть поодаль он обнаружил бамбуковую рощу. К его радости, там было полно пухлых побегов. Очистив один, он увидел, что тот совсем нежный — можно брать.

Вэй Цю принялся чистить побеги прямо на месте, чтобы не тащить домой мусор. Ловко набрал больше половины корзины — набрал бы и больше, да не донес бы. В прошлой жизни он хоть и был домоседом, но парнем здоровым, а в этом теле — кожа белая, сам хрупкий, и сил вполтину меньше, чем раньше.

«Надо тренироваться», — подумал он.

Вэй Цю перетаскал бамбук домой за несколько заходов. В двух котлах отварил их, чтобы убрать горечь, затем остудил, разрезал и разложил во дворе сушиться. Только когда всё было убрано, он почувствовал голод. Пристроившись у печи, он запил горячей водой оставшуюся с утра серую лепешку. Она была такой сухой, что он едва не подавился.

Последние два яйца закончились: утром он сделал из них лепешки для Шинаня, а себе оставил только простые пресные.

«Хватит ли ему еды?» — задумчиво гадал он, глядя на огонь.

Тем временем в лесной чаще Чэн Шинань затаился в траве. Он коснулся зачесавшегося носа и замер, затаив дыхание. Неподалеку несколько диких оленей мирно пили воду. В лесу стояла тишина. Выждав момент, Шинань приподнялся и вскинул духовую трубку.

Фьють... Белая вспышка — и Шинань снова плавно опустился в траву. Спустя четверть часа снотворное подействовало. Олень рухнул на землю, перепугав остальных — те мгновенно брызнули врассыпную. Шинань подошел и связал зверю ноги и пасть. Доза была крепкой, так что проснется он не скоро.

Сегодня удача явно была на его стороне — встретить дикого оленя! В нем всё ценно, и цена высока: городские богачи обожают такое лакомство. Теперь точно можно выручить хорошие деньги. Возбужденный успехом, Шинань взвалил оленя на плечи и двинулся дальше в лес, чтобы сменить место и присмотреть еще какую-нибудь добычу.

В домике у горы Вэй Цю прилег вздремнуть, а когда проснулся — на улице уже стемнело. Он вскочил и поспешил занести бамбук в дом, чтобы тот не отсырел от росы. Прождав до позднего вечера и не дождавшись мужа, он вздохнул, на скорую руку сварил лапши и лег спать.

На следующий день Вэй Цю с самого обеда начал кружить у подножия горы. Ночью он спал тревожно — всё чудилось, что Шинань ранен на охоте. Не в силах усидеть дома, он рано

управился с хозяйством и вышел ждать. Глубоко в лес заходить не стал — не знал, с какой стороны выйдет муж, боялся разминуться.

Вскоре показался Чэн Шинань, тащивший добычу. Он сплел из лиан и сухих веток подобие волокуш, привязал к ним туши, а веревку накинул на плечо. Не успел он выйти из леса, как увидел на склоне знакомую фигуру.

Сердце Шинаня екнуло. Он впился взглядом в человека, и ноги сами собой пошли быстрее. Вэй Цю, словно почувствовав его взгляд, поднял голову и наконец заметил его. С облегчением выдохнув, он бросился навстречу.

Он схватил Шинаня за руки, оглядывая с ног до головы: — Ну как ты? Не ранен? Устал, наверное!

К счастью, Шинань выглядел просто изрядно потрепанным: штаны в грязи, одежда в пыли, но сам цел. Чэн Шинань смотрел на человека, который так искренне за него переживал, и в его ледяной броне вокруг сердца появилась трещина. Волна тепла захлестнула его, слова застряли в горле. Неужели в этой жизни и у него может быть так — чтобы его ждали, о нем пеклись и встречали у порога?..

Поддавая эмоции, Шинань молча притянул Вэй Цю к себе и крепко обнял. Его высокая фигура накрыла гэра тенью. Вэй Цю, внезапно оказавшись в объятиях, сначала опешил.

Он моргнул и, почувствовав перемену в настроении мужчины, мягко похлопал его по широкой спине, невольно понизив голос:

— Устал сильно? Если так тяжело, давай в следующий раз не пойдем, ничего страшного!

Шинань закрыл глаза, вдыхая едва уловимый аромат, исходящий от Вэй Цю. Этот запах дурманил и дарил покой. Руки мужчины сжимались всё крепче, и Вэй Цю стало трудновато дышать:

— Ну всё, Ши-гэ, пойдем домой. Тебе надо отдохнуть...

Шинань открыл глаза — они были слегка покрасневшими от усталости. Немного успокоившись, он отпустил Вэй Цю.

Тот заглянул ему за спину и ахнул: — Ши-гэ, ты оленя добыл?! Живой? И еще восемь-девять кроликов, и кабарга... Тут же больше сотни цзиней будет! Ничего себе, ты невероятен!

Вэй Цю в шоке разглядывал гору дичи и даже хотел потрогать.

— Живой. Не трогай, испачкаешься, — прочистил горло Шинань и взял Вэй Цю за руку. — Дома посмотришь.

Вэй Цю не мог отвести глаз от оленя — он никогда в жизни не видел диких оленей так близко. Шинань взял его тонкую белую ладонь и вытер её о край своей одежды.

— Пошли домой.

Шинань впрягся в веревки, а Вэй Цю пристроился рядом, помогая тянуть, чтобы мужу было легче. Дома они привязали добычу во дворе. Вэй Цю бросил им травы — бог знает, будут ли они есть, после снотворного звери были вялыми, но главное, что живы.

Вэй Цю ловко приготовил бамбук с мясом. Он оставил последний кусочек вяленого мяса от Мэнов специально к возвращению Шинаня. Разогрел кашу — и обед был готов.

Когда он накрыл на стол, Шинань уже умылся и переоделся. Он сидел на кане и парил ноги — в комнате снова плыл знакомый запах полыни. Вэй Цю за это время насушил её впрок, боясь, что зимой её будет не найти.

— Ешь скорее. В горах поди одни сухари грызл. Лепешки я делать не стал, выпей каши, это полезно для желудка.

Шинань отхлебнул каши и глянул на тарелку с соленьями: — А ты? Обедал?

Вэй Цю кивнул и улыбнулся: — Ел уже, ешь давай. — Он пододвинул тарелку ближе к Шинаню.

Наступила тишина, нарушаемая только звуками еды. За два дня разлуки они словно разучились говорить друг с другом. В воздухе висела странная, но мирная атмосфера. Вэй Цю вытер руки и уже хотел ускользнуть, как вдруг перед его губами оказались палочки с едой.

— М-м?... — Вэй Цю растерялся, глядя на мужчину.

Не успев сообразить, он инстинктивно открыл рот и прожевал. Вкус копченого мяса наполнил рот. «Мясо», — осознал он. Увидев, что тот съел, Шинань вернул палочки к своей тарелке и отправил в рот добрую порцию бамбука. Затем снова поднес кусочек мяса к губам Вэй Цю.

Тот отшатнулся: — Ешь сам! Я не люблю такое... слишком жирно.

Этого мяса-то было всего семь-восемь кусочков, и Вэй Цю не хотел его есть. Но рука Шинаня застыла в воздухе.

Вэй Цю попытался оттолкнуть его руку: — Ши-гэ, ешь быстрее. Ты два дня пахал, поешь и ложись спать.

Шинань не шелохнулся. С его силой Вэй Цю совладать не мог.

— Не любишь жирное — съешь постное, — коротко бросил мужчина. Вэй Цю не смог переспорить его и, покрасневшись, откусил постную часть.

Убедившись, что тот проглотил, Шинань молча закинул жирную часть себе в рот. Так этот странный ужин и закончился — кормежкой друг друга по очереди.

Выйдя во двор с грязной посудой, Вэй Цю изо всех сил потер пылающие щеки.

— Да что со мной такое? Не может быть! Чего ты краснеешь-то? — он похлопал себя по лицу.

В итоге, пытаясь успокоиться, он долго и тщательно мыл посуду. Когда он вернулся в комнату, Шинань уже крепко спал на кане. Вэй Цю тихонько вылил воду из-под ног, покормил кур и, поняв, что дел больше нет, тоже решил лечь. Под мерный храп Шинаня его самого начало клонить в сон.

Он осторожно перелез через спящего мужчину. Храп чуть стих, Шинань словно почувствовал чье-то присутствие. Вэй Цю замер, боясь пошевелиться, и, когда понял, что тот не проснулся, медленно улегся рядом. Притянув крошечный край одеяла, чтобы прикрыть живот, он закрыл глаза.

Но стоило ему начать погружаться в сон, как он почувствовал движение. Не успел он открыть глаза, как его рывком притянули к себе. Вэй Цю оказался плотно упакован в объятия Шинаня, лицом к его горячей груди. Он замер, сердце заколотилось, но мужчина больше не шевелился. Решив, что тот просто делает это во сне, Вэй Цю расслабился, нашел удобное положение в его руках и уснул...

<http://bllate.org/book/17091/1594677>